

1. Благословение мастера

Исполнилось 80 лет одному из любимцев нашей страны Николаю Николаевичу Дроздову. Тридцать с лишним лет этот человек вёл телевизионную передачу “В мире животных”, рассказывая о жизни братьев наших меньших, сея добро и человечность в людях. Стоило только зазвучать мелодии “Жаворонок” в исполнении оркестра Поля Мориа, как мы спешили к телевизору и с замиранием сердца ждали, чем на этот раз одарит нас Николай Николаевич. Я не погрешу против истины, если скажу, что на этой передаче росли и воспитывались многие мои соотечественники. Она давала нам порой больше, чем мы получали в школе, а кто и в вузе. Она утверждала в нашем сознании основу нашего существования, показывая, что мы – человеки, и жить и вести себя должны по-человечески.

Я давно искал личной встречи с Николаем Николаевичем, хотел рассмотреть его, услышать его голос, увидеть полную доброты улыбку. И это случилось в 2009 году в издательстве “Вече”, куда я приехал в связи с выходом моей книги о медицинской сестре Наталье, которая стала на защиту родной Абхазии в горькую годину грузино-абхазской войны 1992–1993 года. В редакции оказался Николай Дроздов. Николай Николаевич всегда так приветлив, так располагает к себе, что ты не можешь скрыть от него даже самое сокровенное. И я поделился с ним мыслями о самом дорогом мне человеке, о моей жене Тане, о том, что я посвятил свою книгу ей.

В одном интервью Николая Дроздова спросили: “А не собираетесь ли Вы в священники или монахи?” И он ответил: “В священники – нет, а вот в монахи – возможно”. И разгадка этому – брат его прадеда по линии отца – митрополит Филарет Московский, как и родня в лице других священнослужителей из Коломны.

“Филарет – это двоюродный мой предок, – вспоминает Николай Николаевич, – он был пострижен в монахи сразу после окончания духовной семинарии в Сергиевой лавре. У него детей не было. Его младший брат Никита Михайлович Дроздов оставался приходским священником в городе Коломне. Это по линии моего отца. Даже мой двоюродный дедушка был священником в Рязани, похоронен у алтаря этой церкви. И я там бываю”, – рассказывал мне Николай Николаевич в одном разговоре.

Любой, кто посещал или проезжал мимо городка Коломны у слияния Оки и Москвы-реки, восхищался его неповторимым духом с кремлем, церквями

и монастырями. А храм, где служил предок Николая Дроздова, виден из окна электрички.

2. Так кто же он – Николай Николаевич Дроздов?

Отец его – Николай Сергеевич Дроздов – был очень образованным человеком. Знал латынь, греческий, английский, немецкий и церковнославянский языки. В конце жизни был профессором кафедры органической химии 2-го Московского медицинского института.

Николай Николаевич поделился:

– Он учился ещё до революции. Жил в Рязани. Дядя его – Иван Иванович Дроздов – был настоятелем храма Всех Скорбящих Радость, а его отец – Сергей Иванович – учителем. А языки – английский, немецкий – Николай Сергеевич знал, потому что по науке надо было ими владеть. Он в институте их выучил. А церковнославянский – в церковно-приходской школе. Родился он в 1902 году и до 15 лет учился в такой обычной школе, где церковнославянский преподавали. И до 15 лет успел выучить, это несложно. Там же батюшка преподавал Закон Божий. Даже Ленин учил Закон Божий и пятёрку получил. Так что церковнославянский язык в то время с детства многим был знаком.

До войны семья Дроздовых жила в Рязани. В войну город нещадно бомбили немецкие самолёты. Немцы прорывались к нему, пытаясь обойти Москву с юга. На севере их остановили под Крюково, а на юге они застряли под Рязанью.

Дроздов вспоминает то время: “Первые два года войны – сорок первый, сорок второй – мы были в Рязани. Мама там работала в военном госпитале, а отец лабораторию содержал по производству лекарств для фронта. Химик-фармацевт. Когда в сорок втором году немцев от Москвы отпихнули, то его лаборатория перешла в институт коневодства, это к западу от Москвы. Ближе к фронту. В селе Успенском. При первом московском конном заводе. Там будённовских рысаков выращивали. И при нём был институт коневодства, а при институте – эта лаборатория по производству лекарств. И мы туда все переехали в это село Успенское. Немцы же подошли к Успенскому. Но не взяли. Ну, и как только их отшибли, лабораторию перевезли поближе к фронту”.

Здесь в сельской школе начались ученические годы Николая Дроздова. Они проходили в учёбе и в труде.

“Я в детстве работал табунщиком, – вспоминает Дроздов. – Меня отец посылал на конный завод. Мы жили-то не в городе, а в деревне, конный завод рядом был, а окна дома выходили на луга, где паслись табуны лошадей, и я любовался ими. Вместо того чтобы на каникулах просто бегать, меня отправляли табунщиком. А это был одиннадцатичасовой рабочий день. В пять утра табун выгоняешь и в десять пригоняешь. Маточный табун орловских рысаков на подмосковном конном заводе. Но тут, конечно, верховая езда, общение с лошадьми”.

Коля Дроздов занимался рысаками, читал легенды и мифы Древней Греции и даже мечтал быть кентавром. Он интересовался у отца, можно ли сделать операцию, чтобы стать наполовину лошадью.

Мальчик рос любознательным. Любил птиц, наблюдал за ними в бинокль. Записывал, какая птица как поёт, когда она прилетела. А одноклассники прозвали его Жёлудем, потому что он носил тубетейку, и длинная его голова смотрелась, как жёлудь.

Подмосковная природа наложила значительный отпечаток на дальнейшую судьбу школьника.

Дроздов продолжает рассказывать: “В 51-м году мы получили квартиру в Москве, и наша семья переехала. Отцу за заслуги дали квартиру. Двухкомнатную на четверых. По тем временам это было прекрасно. Отец, мать и двое сыновей. Я перешёл в московскую школу в 9-й и 10-й класс. Это школа № 36 Фрунзенского района. Она располагалась в нынешнем Зачатьевском переулке. Зачатьевский монастырь там раньше был. Школьное здание построили внутри монастыря. А теперь там опять монастырь. Очень трогательно. Это недалеко от метро “Кропоткинская”. А я привык, что это метро “Дворец Советов” называлось (до 1957 года. – Авт.). Пытались построить Дворец Советов, такое гигантское здание типа Вавилонской башни. С фигурой Ленина наверху. Но не получилось. Храм Христа Спасителя снесли. Взорвали его, как вы

помните. Много показывали этот взрыв. Жуткое зрелище. А потом, когда на его месте пытались заложить фундамент, всё, что бы ни клали, всё уходило под землю, и казалось, что всё уходит под воду, под воду. Там потом сделали бассейн “Москва”. Я, правда, там ни разу не купался. Помню, когда в школу ходили, то видели забор, в заборе были дырки многочисленные, а там огромный водоём получился, на уровне реки. И туда уходили глыбы, глыбы, бетонные блоки. Свали, свали, всё уходило, уходило, ничего нельзя было там построить. А когда снова храм стали строить, то всё стоит нормально. Удивительный факт: природа отторгала чуждую гигантскую высотку, позволяя на этом месте существовать только не менее мощному Храму Христа Спасителя, в котором я не находил никаких даже подтёков от близкой реки Москвы. Вот что значит намоленное место”.

Школьные годы кончались, нужно было думать о будущем. Выбор Коли Дроздова был в некотором смысле predetermined.

Дроздов продолжает рассказывать: “Сейчас, знаете, обычно стремятся в юристы, экономисты, на иностранные языки. В то время такого не было. Тогда хотели в физики. Физиков было очень много. Нильс Бор, открытия в атомной физике. И биология, конечно. Я на биофак поступал. Потом перешёл на географический, поскольку там образовалась кафедра биогеографии. Мы учились в отдельном корпусе, а с третьего курса перешёл на географический в главное здание. Сейчас там работаю. Это моё постоянное место – одна и та же кафедра. Её заканчивал, потом аспирантуру, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, доцент, профессор...”

Молодость – мятущаяся пора. Не обошла она и студента Дроздова. Со второго курса Дроздов ушёл из университета. Хотел доказать родителям, что может зарабатывать ремеслом. И работал швейным мастером на одном из предприятий Москвы. Доказал, что может, и вернулся, и продолжил учиться.

Дроздов:

– Я еще в педагогическом институте учился, переходил туда. Там мой учитель был любимый, я ради него перешёл. Три года учился в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потёмкина (существовал до 1960 года). Профессор Банников Андрей Григорьевич. Он вице-президент международного союза охраны природы.

Я переспросил:

– Так Вы из МГУ переходили в пединститут и обратно?

Дроздов:

– Из МГУ в пединститут и из пединститута в МГУ... Когда я поступил в университет, я стал зоологом широкого профиля. Там рептилии мне попались, змеи двухметровые, ядовитые змеи. Меня интересовало устройство их зубного аппарата. Ведь удивительно. Вот зубы – у кого какие... У кого выпадают, у кого не выпадают. А у них передние два наиболее ядовитых зуба на шарнирах.

Николай Дроздов ещё много рассказывал об особенностях отдельных особей животного мира. Его можно слушать без конца.

3. Его семья

В общении с Николаем Николаевичем я узнал о его особом отношении к матери.

Дроздов продолжает свой рассказ: “Мама моя, Надежда Павловна, врач-терапевт, конечно, уделяла много внимания семье и работе в 5-й городской больнице города Москвы. Папа был очень занятой человек, преподавал в медицинском институте, был заведующим кафедрой. Он ушёл очень рано, в 63-м году... А мама, овдовев, дожила до 1993 года. И, по сути, с 63-го по 92-й год мне пришлось о ней заботиться, потому что она осталась вдовой. Старший брат жил в другом месте, и у него была большая семья. И у меня был довольно длительный период, когда я жил вдвоём с мамой. Потом, даже когда сам создал семью, я уделял ей внимание и продолжал жить под одной крышей с мамой, поскольку у неё в это время развивался остеоартрит. Сначала с палочкой ещё на работу ходила. А в 70-е она стала на костыли и двадцать лет ходила на костылях. Поэтому, даже не ходя на работу, она продолжала звонить, обзванивала всех, давала рекомендации, сама ведь врач-терапевт. И в это время, уж конечно, для неё газета “Комсомольская правда” и телевизор

с передачей “В мире животных”, когда в ней появился Василий Михайлович Песков, были её любимым занятием. Смотреть Василия Михайловича по телевизору и читать его еженедельные статьи по субботам. Это было “Окно в природу”. Раз в неделю появлялось то ли в субботу, то ли в воскресенье”.

Дроздов говорит вкрадчивым, особо доверительным голосом, и это придаёт дополнительную привлекательность разговору: “Рубрика “Окно в природу”, где Василий Михайлович помещал какую-то свою фотографию. Подглядел уникальное животное. Иногда даже брал какую-нибудь известную фотографию кого-то другого. Но комментировал её по-своему, своим собственным наблюдением. Но чаще свои собственные фото. Он был замечательным фотографом. И всегда на нём как минимум два фотоаппарата висело, – Дроздов от души смеётся. – Ну, и мы всей семьей, по сути нас сколько осталось: мой брат, ветеринарный врач, он жил со своей женой, тоже ветеринарным врачом, в другом конце города, мы виделись регулярно, но кров я делил со своей мамой, потому что ей нужен был уход. И за продуктами сходить, и помочь по дому. Но это были мои самые дорогие, трогательные годы жизни, когда мне приходилось за матерью ухаживать – дар такой! Забота, труд – нет. Это дар Божий! Лет двадцать мама на костылях отходила. А последние пять лет своей жизни уже перешла на лежачий образ жизни. И вот эти двадцать лет мама с особым вниманием не пропускала статьи Пескова в газете. “Комсомолку” мы получали на дом, сейчас с подписками газет как-то странно... – засмеялся. – Ну, мы выписывали три газеты, могу точно сказать: “Вечёрку”, чтобы вечером было не скучно. А утром “Комсомолка” и “Медицинская газета”. Для мамы “Медицинская газета” была руководством к совершенствованию. Из неё она узнавала, что в медицине происходит. Это когда она на пенсию вышла из-за своего здоровья, а так бы она работала и работала. Она ушла из жизни в возрасте восьмидесяти семи лет, и, конечно, для женщины это не так уж и много... Но прожить двадцать лет на костылях, ещё пять лет пролежать, смотреть телевизор, читать газеты, звонить подругам, друзьям, помогать в лечении всех их недугов, кому чего надо принять, – всё время активный образ жизни. И Вася Песков – я его Васей не называл, это сейчас иногда выговариваю, – Василий Михайлович Песков, он был стержнем её жизни. Радости жизни, потому что она на костылях, а он ездит, ходит – любоваться, слушать его для неё было жизненно необходимо. Она хранила все вырезки, где был Василий Михайлович. Вот такая толстая подшивка...”

Дроздов ещё раз повторил:

– Ну, я говорю, это Божий дар. За матерью ухаживать... Надо за пожилыми, больными ходить...

На что я невольно сказал:

– Николай Николаевич, я думаю, неспроста Ваши папа и мама близки к медицине. Это в Вас как-то выразилось?

– Конечно, отец – врач, мама – врач, дедушка... Брат – ветеринарный врач. Священники – тоже врачеватели душ человеческих.

– Николай Николаевич, у Вас родители медики, сюда бы и сына... Врачевали бы...

– Но это имеет отношение и ко мне. Любовь к природе. Проявление её – тоже врачевание. А мой старший брат – ветеринарный врач, он же любил животных больше, чем я, на порядок. Потому что я любил наблюдать здоровых животных, изучать, а он больных животных брал, их лечил, а это гораздо более конкретное отношение любви к животным. Больное животное – делаешь его здоровым. Это гораздо мощнее, и я считаю, что он любил животных больше, чем я.

– Он старше Вас или младше?

– На пять лет старше...

– Он на Вас влиял?

– Естественно. Мы очень дружили. Я бывал и в его клинике, и снимал передачи несколько раз.

– А он тоже Дроздов?

– Да, Сергей Николаевич. Его уже нет. В 2002 году скончался.

Родня наполнила Николая Дроздова особым содержанием, которым он щедро делился с другими, и, быть может, ещё одной его составляющей явились уроки, полученные им от отца, матери и брата, и память о благих делах предков.

4. “В мире животных”

Мне очень хотелось расспросить Николая Николаевича о передаче “В мире животных”, и когда я спросил у него о ней, то был по-царски одарён.

“Это наше общее с Василием Михайловичем Песковым детище, но и детище учителя и друга Александра Михайловича Згуриды. Я сначала думал, что это грузинская фамилия, а оказалось – греческая. Он родился в Саратове. Но это был наш талантливейший кинорежиссёр, актёр, который уже был в возрасте шестидесяти трёх лет. В своё время он создал передачу “В мире животных”. Такое зрелое изобретение. Дело в том, что до этого он снял около ста фильмов. Документальных о живой природе. Начал снимать ещё до Великой Отечественной войны, в начале 30-х годов. Поэтому к 60-му году за тридцать лет он накопил громадное количество натуралистических фильмов и на базе их создал передачу “В мире животных”. У меня даже есть письмо к Председателю Гостелерадио СССР Лапину с объяснением, зачем и почему нужна эта передача со ссылкой, что подобные передачи есть во Франции и в Великобритании, имея в виду сэра Питера Скотта с его передачей, Жак-Ива Кусто. Собственная нужна такая передача. И мы её утвердили, и 17 апреля 1968 года был день рождения передачи “В мире животных”, к которой Василий Михайлович подключился, как и я. Нас обоих привлёк Александр Михайлович Згуриды в качестве выступающих. Мы стали буквально с этого года выступать в этой передаче. Встречались с ним в студии. Передача поначалу была студийной. Вели, и в то время ещё не выезжали. Это передача была почти без записи. Две камеры: одна на сидящих людей. Другая – на ведущего. Вот так: ведущий и собеседник. Вопросы задают, ответы. И фильм пускали. Отрывки из фильмов Згуриды, конечно, фильмов его коллег. Потом зарубежные фильмы пошли. Привлекали и Кусто, и других, и интересно было узнать, как что снималось, или дополнительно что-то из жизни животных. Это было интересно, все стали смотреть. А мы с Василием Михайловичем выступали в качестве собеседников, но оказались очень для неё удобными. У Василия Михайловича была простая манера вести передачу. Мы не задумывались о том, как мы выглядим, и хорошо ли мы сидим, как мы одеты. Знаете, как многие сядут и начинают переживать: правильно ли он сел, хорошо ли он сказал...

Нам же хотелось рассказать о чём-то, об этом мы говорим, и мы погружены в эту тему. Нам не до того, чтобы смотреть – всё ли мы сказали, так ли... Говорим от души. Ну, это привлекло, конечно, Александра Михайловича, который тоже был такого типа человек, и у нас пошло сотрудничество. Ну, конечно, были учёные, которых он приглашал из разных институтов. Кстати, в том году я защитил кандидатскую диссертацию и был довольно молодым кандидатом наук. В то время мне был тридцать один год, а ему шестьдесят три. Он на тридцать лет старше меня. У нас повелось хорошее сотрудничество, мы начали так работать, и передачи шли по субботам в первой половине дня. И это шло так многие годы...

И сначала мы были выступающими с Василием Михайловичем, пересеклись, встречались. Ведь начинали ещё до Останкино, на Шаболовке. Был замечательный коллектив. В одной комнате собирались такие люди! Одна большая комната, и в ней редакции четырёх передач. Василий Михайлович приходил из “Комсомолки”, я из Московского университета. Мы, как в гости, приходили. Я уже преподавал в университете, да и сейчас преподаю. Но тогда я был только после защиты диссертации младшим научным сотрудником. А он уже при всех прочих его регалиях, он был собкор “Комсомольской правды”. Начинал он в воронежской газете...

Иногда он чуть-чуть предаётся воспоминаниям. Воронеж. Речка Усманка. Воронежский заповедник. Бобры. Как киномехаником работал. То ли в деревне, то ли в самом Воронеже. Учился где-то в школе. Когда мы начинали заполнять какие-то бумаги, я пишу: образование высшее. И защитился. У меня аспирантура. А у него школа, какой-то техникум. И потом практическая деятельность, и всё... Журналист. Очерки сначала в Воронеже. Потом в Москве. А когда графа: награды. Какие могут быть награды? Ты преподаешь в Московском университете – и преподавай! Возраст тридцать с небольшим. А он говорит: “Ну ладно, Коленька”. Он меня Коленькой называл. Покровительственно, очень хорошо. Но в то время разница у нас была большая. А какого он года рождения?”

– ... Родился 14 марта 1930 года, ответил я.

“У нас семь лет разница. Когда за семьдесят, тут разница не чувствуется, а когда одному тридцать один, а другому тридцать восемь, почти сорок, это ощутимо. Но если брать время, когда он пришёл на передачу, то это 1975 год. У него награды, ордена. Наград было много, но главное его достижение в смысле государственных наград и званий, это, конечно, лауреат Ленинской премии. Он имел право этим гордиться. И мы гордились тем, что работаем с лауреатом Ленинской премии в области журналистики. Это, казалось, выше крыши, потому что Ленинскую премию получали небожители какие-то. В год государственных премий выдавалось несколько дюжин, а Ленинских – единицы. Мог быть год, когда вообще не давали Ленинскую премию. А в каком году он получил Ленинскую премию?”

– В 1964 году, – заметил я.

“Это ещё до того, как он стал вести передачу. Туда он пришёл с этим званием. А у меня к тому времени ничего такого и близко нет. И я его по имени и отчеству, а он меня – Коленька. Как младшего брата. Очень трогательно. Все остальные по имени и отчеству в студии, а он: “Коленька, давай садись, посмотрим”. Вместе мы отсматривали фильмы, которые поступают, а встречаемся в офисе – большой комнате, в которой сидят рядом редакторы. Четыре редактора: “В мире животных”; “Клуб путешественников” – ещё до Юрия Сенкевича там был Владимир Шнейдеров; “Очевидное и невероятное” – Сергей Капица и Лев Николаев; а сначала я ещё застал Каплера, потом ещё несколько человек там, и Ксения Маринина, постоянный редактор “Кинопанорамы”.

Эти четыре могучие передачи, которые были основой тогдашнего просветительского телевидения. В одной комнате мы и с редакторами общаемся, и с выступающими, это большая комната на двенадцатом этаже Останкино”.

Я побывал в Останкино, и в моей памяти сохранилось это мощное стеклянное здание с пролётными коридорами и широченными холлами и лестницами.

Дзюров продолжает: “Згуриди приходил туда. Он же был директором одного из творческих объединений “Центрнаучфильма”. Ведущие не были сотрудниками телевидения, они проходящие. И у каждого свои редакторы. У нас многолетним редактором был Алексей Кузьмич Макеев. Наш общий друг, он моложе меня, к сожалению, сейчас тоже ушёл из жизни. Я считаю, безвременно. Ему было чуть больше семидесяти. Все считают, что в таком возрасте рано уходить. А ничего не поделаешь... Судьба наша написана на скрижалях. Можно горевать по ком-то, но прошлого не исправишь. Ну, и Василий Михайлович, тоже, конечно, до восьмидесяти дожил. В котором году он ушёл из жизни?”

– В 2013-м, в возрасте 83 лет, – подсказал я.

“Недосмотр. Сердечная недостаточность, ею надо серьёзно заниматься. Но он исповедовал опору на собственные силы: сам знаю, что со мной, настоящая левосия такой, каждую субботу на природу, каждое воскресенье по Подмоскovie побродить, свежий воздух, лес, поле, всё это хорошо, но кому-то надо было более внимательно следить за его здоровьем. И не упускать, так сказать, сердце. Но незадолго до этого мы виделись, когда он перестал вести передачу, но с нами периодически общался, мы в гостях у него бывали, на передачи затащивали как выступающего.

Мы с Александром Михайловичем Згуриди раз собрались в поездку. Он стал брать меня помощником в свои экспедиции. Сначала в 1971 году взял меня в киноэкспедицию в Африку, где он снимал фильм “Дикая жизнь Гондваны”. Гондвана – это древнее название материка, который был на месте Африки. Когда ещё материка не разъехались. Вот Гондвана – это самый древний, самый стабильный материк земного шара. Остальные все поползли в разные стороны. А Африка как стояла на месте, так и стоит. Мы были в Танзании, в Уганде, снимали в разных заповедниках. Згуриди знал английский не очень бойко, поэтому меня приглашал, чтобы я переводил. Я уже в это время неплохо говорил по-английски. И ему легче было со мною вместе в общении, на переговорах. Он так умел договариваться с людьми, что нам давали разрешение снимать, ездить помимо туристических дорог в заповедники, он так располагал к себе местные власти и руководителей заповедников. И вот в 68-м <он> начал снимать “В мире животных”, а потом дважды уезжал на съёмки, но не нарушил график передач”.

5. Человек с кобрами

Дроздов продолжает рассказывать:

“В 1975 году Згуриди задумал снять художественный фильм с использованием животных. Это “Рикки-Тикки-Тави”. По повести Редьярда Киплинга. Мангуст Рикки-Тикки-Тави. Кобра Нагайна, муж её Наг. Англичане на какой-то ферме живут. Муж с женой, и у них мальчик. И эти кобры решают, что надо убить хозяев и на этой ферме зажить, чтобы людей не было. И мангуст подслушал их разговор: нет, не дам им убить, и начинается между ними война. Он же не боится яда кобры. Он сначала уговаривает Нага и Нагайну, чтобы не лезли к людям, а когда уже в ванну пробрался Наг и подстерегает, тут уж он... Находит кладку яиц и с одним появляется перед коброй, которая приготовилась к броску на мальчика, и ей: “Если ты сейчас нападёшь, я порву это яйцо, и у тебя не будет потомства...” Эти разговоры надо передать. Артисты Баталов Алексей, Терехова. Это в Индии происходит. Мы выезжали туда на два месяца – в Индию – декабрь и январь. Это самое терпимое время, жары нет. А в июне там жара совершенно безумная. И вот мы уехали на два месяца, и надо было передать ведение передачи. Ну, естественно, выбор Александра Михайловича пал на Василия Михайловича Пескова. Вот, с декабря 1974 года, с начала <19>75 года стал вести Василий Михайлович. А я со Згуриди уехал на съёмки. Я помогал ему со зверями: кобры, мангусты, куда, как, кому, чего. Он меня в Африку брал тоже за этим. Чтобы я слонов повернул в нужную сторону. Носорога подозвал. Я был очень полезен. Я животных не боюсь, могу выйти из машины и за собой увлечь бегущего носорога. Слонов покричать, поманить. И вот это он всё использовал – меня-то в кадре не было, в кадре мы только с местными жителями встречаемся: это племя масаи”.

Меня поражают способности и возможности Николая Николаевича.

Дроздов:

“Снимались с масаями, и тут он говорит мне по-русски: скажи им то-то, то-то и то-то. Что эти должны пойти туда, те – сюда. А эти должны стоять на месте. Ну, такая групповая съёмочка. Племя куда, как движется. Передаю нашему сопровождающему, который знает английский язык. Тот на языке суахили передаёт это вождю масаев, который знает суахили. Это общий язык Восточной Африки. А тот на своём масайском переводит ещё тем, кто стоит. Згуриди: “Съёмка!” И они все начинают двигаться. Но явно не туда, куда я им говорил. Он кричит: “Николай Николаевич, что они не туда идут! – Я им так сказал”. Пока эти три-четыре перевода пройдут – смысл кардинально изменится... Это зрелище. Он кричит: “Стоп! Куда?! Я же просил туда, а не сюда!” С третьего раза они выполнили задумку Згуриди. Потом смеялись все. Съёмки, ну так, между делом. А Василий Михайлович взялся вести передачу, и у него пошло хорошо. И вот он два месяца вёл”.

Нагрузочка!

“Приезжаем обратно, Василий Михайлович: “Александр Михайлович, давайте, опять беритесь”. А мы приехали, а материалу!.. Мы даже привезли сюда в Москву – не успели многого снять – шесть мангустов, семь кобр для досъёмки животных. Терехова и Баталов тоже здесь, уже вернулись с нами. С ними тоже досъёмки. Фильм получился большой, полнометражный художественный фильм с участием этих змей и опасными съёмками. Там был эпизод: сидит мальчик, как бы сын Баталова и Тереховой, лет двенадцати. Из посольства взяли мальчишку с английского типа внешностью. Блондинчика. Сажаем его в кресло, он спит в кресле, а в двух шагах от него стоит кобра и уже готовится его тяпнуть за босую ногу. А я тут же за кадром лежу на земле, готовый броситься, так сказать с низкого старта, если она потянется ближе к нему, чтобы оттащить. А рядом ещё выпустили мангуста, и ещё, чтобы при этом они “разговаривали” около этого “спящего” мальчика. И чтобы никто никого не укусил!.. И надо ещё так снять, чтобы было видно, что мангуст что-то говорит кобре, она на него оглядывается, это так интересно. Но всё сделали, а надо досъёмки делать. Згуриди говорит: “Василий Михайлович, ну, столько нагрузки, столько сейчас нужно делать, ну, поведите ещё немножечко передачу”. Участие для Згуриди в передаче оказалось сверх возможности. Песков: “Ну ладно, поведу”. И Згуриди погружается в досъёмки всех этих мангуст и кобр, думает, куда их девать. А привезли мангустов и кобр, и ухаживает за ними индийский укротитель кобр Факир Абу. Индеец,

но мусульманин. Он сюда приехал, и его с кобрами и мангустами расселить надо. А у них база в Петушках, у “Центрнаучфильма”. Это шестьдесят километров от Москвы. Оттуда возить на съёмки невозможно. Ни одна гостиница не берёт, естественно, человека с кобрами.

Не слабо – на этаже гостиницы увидеть кобру!..

“Згуриди: “Николай Николаевич, может, в одну комнату. У Вас же родные уехали на дачу на лето. Пару месяцев можете пожить с этими индусами? – Да, давайте”. И вот все эти шесть кобр и семь мангуст заезжают ко мне в одну комнату, где мы с женой обычно живём. Но они на даче с дочкой. И Абу. А я в другой комнате. Так живём. Каждое утро с Орехово-Борисово приезжает “Чайка”. Во двор заезжает, из окон смотрят – “Чайка”. Представляете? Возит правительство. А это служебная “Чайка” “Центрнаучфильма”, – возить клетки. Индус с клетками – мангустами и змеями – спускается. И “Чайка” уезжает на съёмки. Вечером приезжает. Это был период тот ещё. Эти приключения я отдельно описал...”

6. “Это ж всё Советский Союз был!”

Николай Николаевич рассказывает:

“Василий Михайлович Песков уже втянулся в передачу. Ну, а я, как и раньше, появлялся у него там раз в месяц. Или через, может, даже пореже. Те же учёные. Но общий состав учёных: Сергей Константинович Клумов, Николай Павлович Наумов, все профессора. Из Московского университета. Мои учителя. Все они возраста Згуриди. Маститые учителя. И я попал в эту когорту, потому что мой учитель ещё в 1968 году рекомендовал меня Згуриди. Он говорил: “Мне сейчас некогда. Вот мой ученик только что защитился. Берите его в выступающие”. Василий Михайлович начал вести передачу в 1975 году. Нагрузочка для него. В газете ещё... А Згуриди погрузился в очередные фильмы, проекты. И всё, больше не возвращался к передаче. Иногда мне удавалось заехать к нему и взять интервью для передачи. В его квартире. Рассказать о его новых фильмах, показать какие-то кадры. Он работал потрясающе и ушёл из жизни в 1998 году в возрасте 94 лет. Потрясающее долгожительство для человека, ведущего такой сумасшедший по активности образ жизни”.

В энциклопедии написано – 16 сентября. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Камень лежит, как и у Пескова, где его прах развеяли.

“Да, на Новодевичьем. Выдающийся человек. Он вёл передачу с 1968 по 1975 год. Семь лет. Потом с 1975 по 1977 годы Василий Михайлович ведёт одну эту передачу. А я продолжаю к нему приходиться выступающим. Тут мы уже знакомимся с Василием Михайловичем больше. И вот в 1977 году он застал: “Коленька, тяжело мне одному. Давай попробуем по очереди”. Но надо было получать благословение Лапина Сергея Георгиевича, председателя нашего Гостелерадио. Он ему позвонил и сказал: “Меня привлёк Згуриди. Но мне одному тяжело с газетой, со всем. Столько лет Дроздов тут выступает, у него так всё получается, можно мы вдвоём будем?” Лапин: “Давай”. И мы стали вести с ним вдвоём. По очереди очень чётко: одну передачу я, одну – он. И тогда мы начали отсматривать поступающие фильмы. Алексей Кузьмич Макеев, наш общий редактор, звал нас каждую неделю посмотреть новые фильмы. Поэтому минимум раз в неделю мы встречались на просмотре поступивших новых фильмов. И выбирали, кому что нравится. Какой фильм. Песков выбирал больше фильмы о России, о природе, я больше любил тропическую экзотику. Я интересовался всегда пустынями как экосистемами. Для меня это был не зарубеж, это наши пустыни – Каракумы, Кызылкумы, это ж всё Советский Союз был!.. Азербайджан – там тоже полупустыни. Я туда ездил. И мне хотелось уже дальше ездить, куда-нибудь в Африку. Особенно после поездок с Згуриди в Гондвану. А у Василия Михайловича всегда сердце лежало к российской природе. Естественно, его и называли патриотом, а меня – космополитом. Мне хотелось посмотреть всякие экзотические места в мире. Но иногда ему нравились и зарубежные фильмы. Вот, я помню, он как гепарда увидел, говорит мне: “Коль, какой красивый! Давай я возьму этот фильм. – Ну, конечно”.

– Любый мужчина полюбит сильное красивое животное, – заметил я.

“Начали мы с Песковым в начале 77-го и до 90-го года работали. В 90-м году Василий Михайлович с передачи “В мире животных” ушёл. Вот тут мы

стали реже встречаться. Но тринадцать лет мы еженедельно практически встречались. Иногда через неделю, дважды в месяц. Не просто “здрасьте – до свидания”, а сидели и совместно отсматривали фильмы. Но на саму запись я к нему не ходил. И он ко мне не ходил. У нас гости разные. У меня свои гости. У него – свои. Но что интересно: у нас менялись главные редакторы научно-популярных и просветительских программ. Очень большой период была главным редактором Жанна Петровна Фомина. Очень активная женщина. Она что сделала? Говорит: появились подвижные камеры. Те, которые на плечах носят операторы. Раньше камеры были тяжёлые, еле едут, их тащат. Ставят на треноги. А тут стали с плеча снимать. Можно и на треногу ставить, и с плеча, но более подвижные, переносные. Магнитофоны переносные. Звукооператор тоже стал подвижным. И хватит сидеть в студии. Идите прямо на природу. И мы с Песковым как раз любили путешествовать, выходили на природу даже в выходные дни с удовольствием. Сенкевич так и продолжал в студии работать (передача “Клуб путешественников”). Ездил иногда, но мало. Не так, как мы. А нам студия вообще не нужна. Куда бы ни приехали, прямо в кадре становимся. В горах, в Турцию, на Канары приезжаем – становимся в кадре: “Начинаем передачу “В мире животных”. И завершение там же: “На этом наша передача закончена. До новых встреч”. И, начиная от Камчатки, Туркмении, гор Кавказа, – Сахалин, Якутия, Белое море... Ну, куда только не ездили. Беловежская пуца – это ж всё, повторяю, Советский Союз был!”

7. Кепка Пескова

Я много знал о том, как дружили и работали Николай Дроздов и Василий Песков, но хотел услышать ещё больше об их отношениях.

Поэтому спросил:

– А кто для Вас Василий Михайлович?

Дроздов:

– Василий Михайлович для меня, конечно, и старший друг был, и учитель, поскольку мы с ним вместе делали одно общее дело: готовили передачи “В мире животных”... Его вид: кожаная куртка, пёстрая кепка. Ну, а если зима, то ушанка меховая. Такой образ создан и в передаче “В мире животных”. Любовь народную он завоевал. Да даже не завоевал, а заслужил. Завоевывают, когда сами стараются. Он ничего не старался, только хотел как можно больше рассказать о природе. Сам ходил в лес. Еженедельно, по-моему, а по выходным уж обязательно путешествовал. Если недалеко уезжал, в командировку, то под Москвой он не сидел дома. У него тоже с семьёй было не гладко. Семья у него была, а потом дочь ушла куда-то, отдельно жила, и он жил один. Поэтому всегда на природу, на природу! Навещать заповедники, беседовать с сотрудниками, узнавать, что тут нового, наблюдать за животными, за птицами, за зверями. Это для него было таким даже не увлечением, а образом жизни. Домой он приходил, у него в одной комнате спальня, я у него бывал дома на Верхней Масловке...

– Это около метро “Динамо”.

– Да, у него двухкомнатная квартирка маленькая, в одной комнате он занимался, рукописи, в другой – спальня. Это его уголок отдыха. А работал как! Всё завалено бумагами, рукописями, книгами, фотографиями. Работа кипела у него. Всё, конечно, выплёскивалось на кухне, на кухне он пил чай, принимал гостей, это чудесный уголок творческого человека.

Ведь я же говорил, как мы относились к нему. Творчество Василия Михайловича в нашей семье было стержнем, хотя я и сам ездил на природу. Его увлечение было немножко другим. Я всё время стремился поехать куда-то в пустыни, в горы полазить, что-то такое экзотическое, поэтому для меня Кавказ, всё это в пределах нашей страны, у нас экзотики тоже хватало в границах Советского Союза. Представляете, там горы Таджикистана, Киргизии, Каракумы там, юг Туркмении там Кушка, эти сухие горы Копетдага. Это ж Закавказский заповедник Азербайджана. Ленкоранская низменность. Это ж все в пределах Советского Союза, сел да поехал. На поезде, на самолёте. Я всё в эти места старался, а у Василия Михайловича было, я бы сказал, русское сердце. У него душа собственно русская. У меня весь Советский Союз был моей страной.

Размах изысканий Дроздова и Пескова поражал.

Николай Николаевич:

— Мы с ним выступали на каких-то конференциях, а наша передача даже сводила нас на конференциях. Он как писатель-эколог выступал. И его книги “Отечество” и “Шаги по росе” произвели фурор. Потому что, с одной стороны, это собрание журнальных статей. В них стержнем проходит гордость за свою страну, гордость за своих людей, героев труда, творчества, искусства, все они вроде бы разные, но в исполнении Пескова они все становятся героями. Кто был тот ни был — труженик поля, промышленности, писатель, военный, художник, певец или кто, — но он описывает его как героя. Это надо уметь — в каждом лучшее увидеть, показать его ценность для своей страны, а в сумме это Отечество получается. И он, конечно, заслужил такого высочайшего звания — лауреат Ленинской премии. Причём он в Антарктиде был. Он же ездил в такие дальние места, что я даже не знал. Его передачи, в отличие от моих, были совершенно другими. А его очерки! “Таёжный тупик” — о сектантах Лыковых с Алтая. “Зимовка” — о покорителях Антарктиды. “Урок” — о семье Берберовых.

— Николай Николаевич, вот мы говорим, для Василия Михайловича главное — Россия, но ведь он очень много стран объездил.

— Конечно.

— Он от этого отталкивался, чтобы изучать Россию?

— Он стал ездить во второй половине жизни. И в первую очередь, хотел увидеть Америку, чтобы показать потом наши преимущества коренные. Конечно, для него важнее всего Отечество. Россия есть Россия, Отечество... Его главные книги “Отечество” и “Шаги по росе”.

— А что главнее — природа для человека или человек для природы?

— Он, прежде всего, считал, что главнее гармония...

Я вспомнил прощание с Песковым:

— В траурном зале Первой медицинской академии я видел Чилингарова Артура Николаевича. Он знал Василия Михайловича...

— А я не смог проститься... — говорит с сожалением Николай Дроздов. — Я в больнице был. Дал интервью для какого-то канала, сидя на кровати. Я сидел, а в палате было холодно. Это было какое число?

— Он ушёл из жизни 12 августа 2013 года, а прощались 15 августа...

— Я после операции, сижу, на костыли опираюсь. На ногу операция. И надел кепку, потому что холодно в комнате. Не топили ещё. И я сижу в пёстрой кепке, подаренной мне Песковым. Всегда брал с собой. Зимой — в чёрной кепке, демисезонной. Сижу в кепке, даю интервью, а когда меня показали, то сняли в этом одеянии. Он купил этих кепок чуть ли не тридцать или даже пятьдесят. И раздаривал друзьям. Я её очень люблю и до сих пор ношу...

8. Необычный Дроздов

Я вспоминаю вечер в Центральном доме журналиста в Москве 7 октября 2016 года на подведении итогов Международного телефорума “Вместе”, когда директор военного музея говорил о проектах, которые делал с музеем Николай Дроздов, как на сцену пригласили Николая Николаевича наградить победителей в номинации документальных фильмов.

Николай Николаевич поднялся с задних кресел и по узкому проходу между стеной и рядами бегущей походкой направился на сцену. Галстук у него болтался из стороны в сторону, он сгибал руки в локтях, как будто участвовал в кроссе.

— “За высокий профессионализм и бережное отношение к духовным скрепам Отечества, за документальный фильм “Афон. Восхождение”...” — прочитал диплом Дроздов.

“Корни дают о себе знать”.

Номинантом оказался Аркадий Мамонтов.

Он подошёл к микрофону:

— Всем мужчинам следует приехать на Афон. А женщинам — в Уранополис и оплыть священный уголок. Это счастливое место...

Когда Дроздов обнял Мамонтова, диктор объявил:

— Сейчас Николай Николаевич представит вам небольшой вокальный сюрприз.

Николай Дроздов вышел к микрофону:

— Меня кто-то из молодых журналистов спросил: “Николай Николаевич, в Вашем возрасте Вы не боитесь впасть в детство?” А я ему говорю: “А я из него и не выпадал”.

В зале захопала.

Он заговорил о волновавшем его:

— Воспоминанию о Великой Отечественной войне. Был 9 мая на ВДНХ. Тысячи человек собрались в 9 вечера 9 мая. Не я считал, канал считал. Меня это очень тронуло. Любовь к старой песне военной.

Я догадался: там пел Дроздов.

А он:

— Сейчас я записываю песни нашей Победы. Песни нашей страны. Из иного времени. “Широка страна моя родная...” Слова надо слушать. Голос у меня-то не ахти. А слова! Вот из той серии, но только послевоенные. А “День Победы” позже сочинили. А самые первые, которые Клавдия Шульженко пела. Помните Клавдию Шульженко? Понятно, почему женщины приезжали на передовую и пели песни. Мужские даже. От имени солдат. А почему? Взять бы мужчину, красавца. Вот он приедет и споёт на передовой. Он приедет, споёт и уедет. Солдаты: пошёл бы с нами вместе на смертный бой!.. А на женщину смотрят, как на воспоминание о своей девушке... А тут приехал солдат обратно, его хату не сожгли. Он вернулся живой-здоровый. Руки-ноги на месте. Забор починил. Один. А больше не с кем поделиться воспоминаниями. Мужиков нет, разве что деды, — говорил Дроздов и вдруг запел:

*Майскими короткими ночами,
Отгревев, закончились бои.
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?..*

В зале захопала, кто-то закричал “Браво!”

Когда Николай Николаевич спустился со сцены, его стали обнимать. Дроздов прошёл вдоль стены и сел на прежнее место. Его сразу окружили. Меньше года оставалось до его 80-летия, а он бегал, как мальчишка, набирал темп и не давал себе ни минуты покоя.

При разговоре после встречи в ЦДЖ я спросил:

— Я слышал, как в Доме журналиста вы пели. И правильно сказали, что нужно слышать слова. В интернете стоит интересная песня: “Берегите природу”. Это ваша песня?

Напомнил строки из песни:

*Так в России повелось, что мужики
Очень любят отдыхать у реки,
Взять да подружек, песни петь да плясать,
Шашлыков пожарить, погулять.
И компания шумит до утра,
А наутро только мусора гора.
Нет, чтоб взять, да и с собою все забрать!..
Нет, не любим мы природу, нашу мать.*

А Николай Николаевич подхватил:

*И хочу я, россияне, вам сказать:
Берегите ж вы природу, вашу мать!
А не то она возьмёт нас за кадык,
И человечеству наступит, блин, кирдык!*

И добавил:

— Нет, это песня Демидыча. Это мой друг. Сам сочиняет песни. Я с ним вместе только спел.

— Хорошо поёте.

— Как можем, — сказал он, улыбнувшись своей неповторимой улыбкой.

В одном своём интервью Николай Дроздов вспомнил своего дальнего родственника:

— Святитель Филарет, провая войска на фронт, в своей проповеди сказал: “Любите врагов своих. Личных врагов. И тогда вы сможете сделать их даже друзьями. Но гнушайтесь врагов Божьих и бейте врагов Отечества! Это не Ваши личные враги, это враги Отечества”.

Вот и губители природы всегда были для Дроздова врагами Отечества.

28 марта 2017 года Николай Дроздов приехал на встречу со школьниками в Центральную детскую библиотеку. Его левая рука была с шиной и держалась на повязке. Но травма не остановила его, он обязан был поговорить с детьми.

Он начал встречу с разговора о флаге:

— Российский флаг символизируют нашу державу с тысячелетней историей. Здорово, что восстановили российский флаг. А вы знаете, некоторые страны очень легко отказываются от прошлого. Вот Австрия — это тоже бывшая монархия. Австро-Венгрия — была такая монархия. Она сейчас республика. Орла они сохранили. Я увидел его на огромной стене. Одна голова, у нас-то две — на Европу и Азию смотрят, — а там одна голова. И в когтях знаете, что у него? — В когтях у австрийского орла серп и молот! То, от чего мы отказались. Ведь на Советском гербе были серп и молот. “А почему вы сохранили?” — спрашиваю у своего друга-австрийца. А он отвечает: “У нас государство трудовое. Серп обозначает крестьянство, а молот — рабочих и ремесленников”. Видите, от этих символов австрийцы не отказываются, и нам бы у них поучиться!

9. От кого произошёл человек?

Я не раз слышал, как Николая Дроздова спрашивали:

— А Вы лекции сейчас читаете студентам? Хотим послушать.

Дроздов отвечал:

— Нет, уже не читаю. Я консультант. Мой друг профессор Галушин читает лекции в двух институтах. У нас в МГУ и педагогическом университете. Это я его лично упросил почитать у нас. У меня же не хватает времени на лекции. А он с таким удовольствием там почитает, едет к нам читать лекцию. Неугомонный парень. Приятно видеть таких.

Я слушал и про себя думал: “Разве есть неугомоннее Николая Николаевича?”

Дроздов:

— Я ему всегда говорю, что он моложе меня, хотя на самом деле старше меня на пять лет. Моложе по задору, по энергии, по желанию работать, читать лекции. Я начал лекции читать в 1963 году, а когда исполнилось 50 лет этому делу в 2013 году, я упросил ректора Садовнича Виктора Антоновича освободить меня от чтения лекций. А профессор-консультант — это должность почётная. Обычно профессор должен начитать определённое число часов. А тут я ничего не читаю. Заседания кафедры, учёный совет, рецензии, защита диссертаций, но без лекционных часов. Дело в том, что много ездить в командировки по общественным делам приходится. Ещё Общественная палата. То, сё. Поэтому мне не до лекций сейчас...

Я знал, как насыщен жизненный график Николая Николаевича, но понимал, что он немного лукавит: лекции не читает, но с людьми встречается.

Как-то я спросил его:

— Извините за лобовой вопрос: человек произошёл от обезьяны или нет?

Дроздов:

— Это примитивно. Такая формулировка сразу принижает человека, когда говорят, что он произошёл от шимпанзе или гориллы. Ну, что Вы! Прошёл, конечно, длительный, эволюционный путь. Найдены все этапы эволюции человека. Эволюция, конечно, очень длительная. Миллионы лет предки человека жили на земле. Постепенно формировались. Нужно просто понимать, что наука говорит об этом, а вера говорит о божественном. И я думаю, что душа вложена в человека, может, и Богом, но она сразу отличает его от всех животных. А когда это происходило — это другой вопрос. Никто же из священников не будет отрицать, что Земля — маленькая планета в Солнечной системе, круглая, в виде шара, вращается в безвоздушном пространстве. Мы же не будем соглашаться, что в Библии сказано, что земля плоская и сверху

небесная твердь и звёзды прикреплены. Ну, зачем это? Разве священники этого не понимают? Тут другие вопросы. Современная наука говорит, что вселенная была СОЗДАНА, она ВОЗНИКЛА пятнадцать миллиардов лет тому назад. Физики высчитали. В результате первичного взрыва. Слышали это?

Я промолчал.

Дроздов:

— До этого не было ничего. Пустое пространство. Как говорит теория первичного взрыва, наша вселенная возникла пятнадцать миллиардов лет назад в одной точке в предыдущей вселенной, в которой не было ни пространства, ни времени. А если не было ни пространства, ни времени, то откуда взялась эта точка? .

— В этой теории заумность какая-то.

— Нет, это не заумность, а всё рассчитано физиками. А другое дело, что в этом случае... Мы, например, когда учились, нам говорили, что вселенная вечная и бесконечная. А раз она вечная и бесконечная, значит, её никто и не создавал, а она была, есть и будет. А сейчас нам говорят, что вселенная **была создана** пятнадцать миллиардов лет назад. И это подсчитано. Научно подсчитано. Сейчас она разлетается, Галактики разлетаются, а потом, может, они наоборот полетят... То есть, идёт какой-то процесс. Но если не было ничего, а потом всё это возникло, то <мы> вправе спросить: **а кто это сделал?** Ведь кто-то должен решить, что <нужно> в одной точке вселенной, где не было ничего, собрать энергию такого объёма, чтобы из неё вышла целая вселенная! Это ж... Теперь, скорее, можно доказать существование Бога, исходя из этого. Конечно, **без решения какого-то высшего разума это происходить не могло.** Нельзя веру проверять знаниями. Как сказано, нельзя гармонию поверять алгеброй. Вы же не можете музыку разложить на математические формулы.

— Не разложишь... Я когда-то сам искал формулу жизни, — вспомнил я свои былые занятия. — Математическую. Которой можно было бы описать процессы в жизни. У Лупанова (я принимал участие в семинаре члена-корреспондента Академии наук СССР Олега Борисовича Лупанова, впоследствии декана мехмата МГУ) ведь оценки математические. И спрашивал его, можно ли такую формулу вывести. Он отвечал, что пока никак... Ведь тогда задашь данные и получишь ответ: где ты и что ты в определённый момент жизни... Но природу не заменишь математикой, даже для жизни какого-то муравья.

— Да, вот тут и божественность. Но это не значит, что Вы приходите в церковь и должны пропагандировать науку. Это нехорошо. Не то место. Патриарх Кирилл не будет же рассказывать, что земля круглая, в церкви нужно молиться. У нас половина мозга интеллектуальная, а половина — эмоциональная. Вера — это эмоции, а наука — это знания. Но мозг, конечно, выше, чем любые знания. **Вера — выше науки.**

— Но от этого становится тоскливо: хотелось бы познать...

— Это свойственно молодёжи... Не стоит на такое замахиваться... Это же грех. Оценивать непознаваемое. Это же по молодости хочется всё познать. Но спасибо, что Всевышний нам открыл кое-что. Свои тайны. Следующим поколениям откроет ещё что-то. А мы должны радоваться, что узнали кое-что.

— Так что жизнь с её формулами математике не по зубам!

— А что, если разложишь, будут мёртвые соображения. Из-за того, что это выше, а это ниже. Почему Ленин о сонате “Аппассионата” говорил: “Потрясающая. Нечеловеческая музыка”. Вот надо было спросить у Владимира Ильича: “Что значит нечеловеческая?” Это какая же тогда? Божественная. Это Ленин не сказал. Ну, понятно. То, что земля круглая, думаю, никто не сомневается. И наш Патриарх съездил в Антарктиду, если помните...

А как захлёт Дроздова слушают дети! При встрече 28 марта 2017 года в Центральной детской библиотеке школьники засыпали его вопросами, а он отвечал.

— А вы когда-нибудь видели альбатроса? — спросили Дроздова.

— Конечно, чудесное животное, которое летает над морем и не машет крыльями. И какие крылья, чуть ли не в два метра в ширину. Вот он их разводит и держится над водой. А вода — волны идут в океане, и в одном месте восходящие толчки воздуха, и он их ловит и над поверхностью парит. И живёт на воде. Сидит, спит на воде. У него очень лёгкие кости.

Я вспомнил, как лет тридцать назад плыл на теплоходе по Тихому океану на Камчатку, и нас неотступно сопровождали альбатросы.

Дроздов:

— И вот когда гнездоваться надо на островах, они туда прилетают, парочки образуются и сидят, выводят птенца, который сначала по весу больше, чем взрослая птица. Они его так раскармливают. Такой здоровый, взлететь не может. Но постепенно начинает худеть и перьями покрывается, и взлетает. Но он не может, так чтобы распахнул крылья и полетел. Он здоровый. Крылья как-кие. Он разбегаётся, находит место — скат вниз. Разбегаётся на лапах, крылья держит назад, потому что иначе они о землю ударятся. Прыгает, распускает крылья, машет и взлетает. Полёт альбатроса фантастический. Он может жить без суши вообще.

— Вы видели льва? — раздался вопрос мальчика.

— Да, я даже с ним обнимался. Дело в том, что с диким обниматься нельзя, надо с ручным. Первый раз, когда я заглянул в глаза льву, это было в Африке. Мы подъехали, а там львы сидят. Это прайд у них. Семья. Лев самый ленивый. Он хозяин. Он охраняет свой прайд, он не охотится. У них грива большая, толстая. Бегать трудно. Охотятся львицы. У него пять-шесть таких вот львиц, и они бегают, добывают добычу. Видит, что они что-то поймали, тогда идёт и кушает вместе с ними. Сначала ребятам дают, потом хозяину, а после уже сами львицы. А когда я заглянул в глаза львицы, это было так. Мы в машине подъехали, крыши у нас открыты, я вдруг смотрю, — мне хотелось сфотографировать поближе, — а она подходит, ложится сзади машины. Отчего? А потому что от машины тень. Солнышко с одной стороны и тень от машины. Все перегретые, не знают, куда деваться. Саванна. Она подошла и легла. Дай полежу в тенёчке. Я на крышу, а там отверстие, я вылез, полез по крыше и гляжу вниз: вот она, здесь, в полутора метрах. Она на меня глаза подняла, глаза в глаза посмотрела, я говорю: “Ты что делаешь!” Я вот видел по её поведению, что она не будет на меня прыгать — зачем? Ведь тенёчек, довольная. Не прогнали её. Мы обменялись взглядами. И как обрадовались.

— А аллигатора? — ещё вопрос.

Дроздов:

— Аллигатора видел ли? Конечно. Знаете, я даже с одним подрался.

Школьники захохотали.

Дроздов:

— Знаете, что получилось. Правда, это был индийский крокодил, но это неважно. Мы снимали фильм о животных, и вот режиссёр, основатель нашей передачи “В мире животных” Згуриди Александр Михайлович, я ещё был при нём помощником, мы снимаем крокодилов. Он говорит: “Вот крокодилы лежат неподвижно в озере. Как-то надо их возбудить”. Я сбегал на соседнюю ферму, и там крысы как раз, не серые, а белые. Они же для корма разным животным разводятся. Я говорю: “Дайте мне десяточек крыс”. И вот я за хвост держу десять дохлых крыс и подхожу — оператор стоит в шортах, жара, ботинки на босу ногу, а в озере лежат крокодилы. Я, естественно, не должен входить в кадр, а стою сзади за оператором и бросаю через его голову крысу. Бац! Она падает среди крокодилов. У них реакция стремительная. День целый будут лежать неподвижно, как будто заснули, но в момент появления добычи схватываются, и кто вперёд. Один крысу схватил, тут же её сожрал. Остальные заинтересовались, что это. Начинается кормёжка. Я подождал и вторую крысу бросаю поближе. Все крокодилы сюда, первый — раз, схватил. Тут движение в кадре. Момент появления крысы потом вырежут, и как будто они плывут. Я ещё ближе — они ближе. Я уже почти на берег бросаю. А Згуриди говорит: “Ты чего! — Зато они плывут сюда”. Я бросаю ещё одну крысу, и уже два крокодила вылезли на берег за последней крысой. А у меня крыс больше нет, а ему хочется ещё. Один ещё лежит, а второй ползёт прямо на нас. Я вижу, что ему понравился вид голых ног оператора.

Дети смеялись.

Дроздов:

— Икры толстые, он на босу ногу. Думает: “Сейчас покушаю”.

Кто-то из детей в испуге закричал.

Дроздов:

— И он ползёт сюда, а оператор увлечённо снимает. Я вижу, его ногам опасность грозит, а тут, слава Богу, рядом оказалась здоровая палка, для чего

она была, не помню уже, я беру палку, выбегаю вперёд. Съёмку уже не надо вести, и я ему по морде этой палкой бабах!

Дети взорвались от смеха.

Николай Николаевич:

— Я думал, всё-таки набросится на меня, ан нет. Ему стало обидно, он развернулся и ушёл. Крокодил же культурное животное, это не какой-то дикий человек, который палкой дерётся.

Кто-то из родителей:

— Николай Николаевич, при съёмках фильма “Рикки-Тикки-Тави” Вы следили за коброй, чтобы мальчика не укусила.

— Да, я лежал рядом, за кадром, чтобы броситься, если вдруг она на него поползёт.

— Так она же голову подняла, чтобы нанести удар.

— А она в такой позе не ползает. Не движется.

— И в такой позе не бьёт?

— Она бьёт с этого места, да. Но там было такое расстояние, что она не смогла бы достать.

— Вы знаете, фильм смотришь, а страшно.

— Да-да. Но снимали сзади, не так чтобы она вплотную. А там расстояние точно рассчитано, что если она в этот момент бросит голову вперёд, то не достанет до ноги. А если она захочет поближе подползти, то я её за хвост оттащу.

Я слушаю Николая Николаевича, сожалея, что мир животных в своём множестве прошёл мимо меня.

— Но, конечно, с коброй нужно быть осторожней, — продолжал Николай Дроздов, берясь левой рукой за стойку с микрофоном, — и даже можно её держать на руках, но как — не буду рассказывать, а то ещё начнёте пробовать. Смеётся.

На встрече Дроздова со школьниками к нему подошла мать ученика:

— Можно я с вами сфотографируюсь на память.

— Ну, что вы. Что же подумают... Вот когда семья фотографируется, это одно. С детками. А так...

Мать ученика поняла, как она опростоволосилась.

Дроздов:

— Это дар Божий — помочь человеку.

Дроздов:

— Я стираю из памяти свои недостатки, которые изживаю.

Дроздов может ехать на машине, остановить её, чтобы только поздороваться. И говорит в оправдание: “Чтобы о нас плохо не подумали”.

Николай Дроздов излучает добро, не боится оказаться в экстремальной ситуации, любит петь, играть с детьми, кататься на самокате.

Он родник доброты. Он словно отец нам всем — детям, взрослым, политикам, простым смертным, зверям, птицам, рыбам, домашним животным.

В Москве существует “Клуб 100 лет”. Или, если точно: “Некоммерческое партнерство “Международное объединение сторонников активного долголетия “Клуб 100 лет””. Это тех, кто считает, что до ста лет прожить можно.

Николай Дроздов в нём учёный секретарь.